

Иногда слышался голос тренера, но большую часть времени тренировка проходила в тишине. У И выполнил 3 лутц, упал на лёд, и когда Вэнь Вэньвэнь подкатился к нему, он остановился и помог товарищу подняться.

— Спасибо, — сказал У И.

— Не за что, — улыбнулся Вэнь Вэньвэнь.

Чжан Лян тренировался на самом краю катка, и вращения Су Юя вдохновили его на совершенствование собственных движений.

Юй Ецзя, подхватив дугу, остановился рядом с ним.

— Как тренировка?

— Есть немного прогресса.

— Думаю, ты сильно продвинулся.

— Угу.

Су Юй занимался на отдельном катке, отрабатывая шаги, вращения и прыжки.

Он выполнил прыжок вперёд — тройной аксель.

И упал.

Он никак не мог постичь секрет этого элемента, процент успешности был слишком низким, и использовать его на соревнованиях было невозможно.

Су Юй самостоятельно поднялся, отряхнул руки и снова выехал на лёд.

Он был один.

Пустой тренировочный зал.

Никто не разговаривал, и никто не помогал ему, но он не завидовал тем, кто на соседнем катке тренировался в дружеской атмосфере.

Инь Чжэнсюэ стоял за бортиком и помахал ему рукой.

— Хочешь отдохнуть?

Су Юй покачал головой.

Инь Чжэнсюэ добавил:

— Береги себя.

— Угу.

...

Су Юй лёг спать рано, поэтому и встал рано, ещё в половине шестого. После утренней пробежки он вернулся, и Инь Чжэнсюэ, уже собравшись, пошёл с ним в столовую.

На завтрак в столовой были паровые булочки, рулеты, рисовая лапша, лапша, яичница с рисом, яйца и молоко.

Питание в национальной сборной всегда было на высоте, формат шведского стола, выбор очень богатый.

Инь Чжэнсюэ, взяв свой завтрак, сел напротив Су Юя и, немного поев в тишине, поднял голову:

— Сегодня приедет Шань Тун.

Су Юй посмотрел на него.

Инь Чжэнсюэ подбирал слова, пытаясь хоть как-то улучшить мнение Су Юя о Шань Туна:

— Он, конечно, человек немного грубый, но способности у него неплохие.

Су Юй понял:

— Я не буду с ним спорить.

— Нет... — Инь Чжэнсюэ потер лоб и нахмурился. — Я не говорю, чтобы ты терпел. Зачем нам терпеть чьи-то придирки? Мы что-то кому-то должны? Я хочу сказать: если ты действительно не сможешь работать с Шань Туном, скажи мне прямо. Я найду тебе другого хореографа. Возможно, в Китае нет такого уровня, как Шань Тун, но за границей их полно. И с твоими способностями ты справишься с текущими соревнованиями, даже без специальной постановки.

Су Юй замолчал, глубоко взглянув на Инь Чжэнсюэ. Он был тронут.

У Инь Чжэнсюэ не было связей, и он остался тренером в национальной сборной только благодаря удаче и своим способностям.

Но какой новый тренер мог бы пригласить Шань Туна? Су Юй видел, сколько усилий приложил ради него Инь Чжэнсюэ, поэтому, несмотря на неприязнь к Шань Туна, он терпел.

Его не особо волновала постановочная способность Шань Туна, он просто не хотел разочаровывать Инь Чжэнсюэ.

Су Юй улыбнулся, лёгкой и едва заметной улыбкой, обнажив ряд белых зубов, и успокоил Инь Чжэнсюэ:

— Всё в порядке. Я даже хочу поработать с Шань Туном. Я хочу принять участие в чемпионате мира среди юниоров в январе следующего года, мне нужна программа более высокого уровня. Кроме Шань Туна, у нас больше никого нет.

— В ноябре ещё будет Гран-при, будешь участвовать?

— Сколько призовых?

— В юниорской категории, наверное, меньше сорока тысяч.

— Участвую.

Су Юй кивнул. Призовые на Гран-при были высокими, и деньги ему нужны были срочно.

Он знал, что в будущем заработает много, и жить без забот будет несложно, но если денег будет больше, это, конечно, лучше. Он хотел вложить призовые в акции. Он не знал будущих выигрышных номеров лотереи, цены на жильё сейчас были не очень, а покупка земли требовала слишком больших затрат, так что акции — лучший вариант. Он хотя бы знал, какие компании в будущем будут стабильно развиваться, и такие инвестиции были бесприигрышными.

После еды они отправились в тренировочный центр, и около девяти утра приехал Шань Тун.

Шань Тун выглядел не в духе, спускаясь от входа, он не улыбался, взгляд был мрачным. Увидев Инь Чжэнсюэ, он язвительно усмехнулся, бросил сумку на скамейку, сел, закинул ногу на ногу и без энтузиазма произнёс:

— У меня дела после обеда, так что утром помогу вам с постановкой, а потом уйду. Давайте начнём.

Инь Чжэнсюэ сразу нахмурился:

— Когда вы сможете приехать в следующий раз?

— Я сейчас очень занят.

— И что?! — голос Инь Чжэнсюэ повысился. Всего одно утро, а уже девять часов. Что можно успеть поставить?

Намерение Шань Туна не работать с Су Юем было очевидным, но, учитывая директора Чжао, он не хотел ссориться с Инь Чжэнсюэ и сдерживал гнев:

— Я правда очень занят. Может, познакомлю вас с кем-то, его уровень не намного ниже моего...

— Учитель Шань Тун, это же безответственность! Уже всё решено, договорённости есть, а вы внезапно всё меняете. Вы должны назвать причину. Если у вас действительно дела и вы не можете сотрудничать, я, конечно, сожалею, но не стану вас удерживать. Но вы так с налёту говорите, что не сможете помочь, это уже чрезмерно, не так ли?

Шань Тун скривился в холодной улыбке, острый взгляд скользнул по лицам Су Юя и Инь Чжэнсюэ, и он сказал:

— Я поставил вам программу, а вы изменили большую часть. Даже если вы можете сделать ласточку с подогнутой ногой и Ина Бауэр с прогибом, какая разница? Если вы не цените мою постановку, зачем нам вообще сотрудничать?

Шань Тун был в ярости!

Он работал хореографом много лет, был известным постановщиком программ в мужском одиночном катании, сколько людей его умоляли, сколько денег предлагали! Если бы не директор Чжао, стал бы он ставить программу какому-то спортсмену, о котором даже не слышал?

И что в итоге!

Он посмотрел видео, и ком подкатил к горлу, чуть не выплюнул кровь!

Это ещё его постановка?! Всё изменено, всё перепутано, его стиль не виден совсем!

За всё время работы хореографом он с таким ещё не сталкивался!

Спортсмены и тренеры, с которыми он работал, всегда вели себя осторожно, любое изменение обсуждали с ним полдня. Неудивительно, что с Су Юем и Инь Чжэнсюэ всё прошло так тихо. Сначала он думал, что это просто частичная адаптация, поэтому и не было хлопот. А он посмотрел видео от начала до конца и не нашёл там почти ничего своего.

Ну и молодец, переделывай сам! Зачем тогда я нужен?

Тайно менять движения и не показывать полностью способности — это что, от меня скрывают? Не доверяют?

Шань Тун вспомнил этот впечатляющий «Ина Бауэр с прогибом», и ему было одновременно стыдно и злобно.

Инь Чжэнсюэ, услышав правду, опешил. Он просто был поражён мелочностью Шань Туна до глубины души.

Вот что значит «мелочность, как игольное ушко» — это именно про Шань Туна!

Ты приехал всего два раза, поставил программу и больше не появлялся, а теперь ещё и запрещаешь спортсмену вносить корректировки по ситуации? Он в сборной уже не один год, и чтобы слышать, что поставленную программу нельзя менять — такого ещё не было.

Это просто поиск предлога для ссоры!

Когда дело дошло до такого, сотрудничество было невозможно. Шань Тун даже не успел как следует сесть, схватил сумку и ушёл.

Инь Чжэнсюэ злобно смотрел вслед Шань Туна, не выдержал и показал ему «международный жест».

Повернувшись, он, сдерживая гнев, стал успокаивать Су Юя:

— Не злись, у Шань Туна просто собачий характер, его все избаловали. Его программы тоже не такие уж хорошие, но он зазнался. Не переживай, я найду тебе другого хореографа, обязательно успеем к чемпионату мира среди юниоров.

Су Юй и не злился, и не спешил. До чемпионата мира среди юниоров оставалось три месяца. У него было много опыта, и он быстро осваивал новые программы, так что трёх месяцев хватит, чтобы поставить новую программу и отточить её.

Но надо признать, Су Юй скучал по тому отношению, которое было у него после того, как он стал знаменитым. Столько мировых хореографов первого эшелона хотели ставить для него программы, и он выбирал одного, отказывая другому, что вызывало недовольство. Не то что сейчас.